

Федор Лопатин
Княжеский отпуск
Книга первая



18+

Федор Лопатин

Княжеский отпуск.

Книга первая

<https://litres.ru/57483538>

SelfPub; 2026

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Поволжье девятнадцатого века. В гостях у графа молодой князь слышит легенду о тайне родового поместья. Князь хочет раскрыть эту тайну, но помимо нее узнает много других. Столкновение с неизведанным и мистическим удивляет его не меньше, чем встреча с беглыми каторжниками, жаждущими мести. Кто поверит, что жизнь так уж далека от смерти: один шаг отделяет от пропасти; один прыжок в сторону может спасти от ножа Бандиты, колдунья, аристократы, дети главные герои этой повести.

Содержание

Книга первая	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Федор Лопатин

Княжеский отпуск.

Книга первая

Книга первая

Глава 1

Сколько географических карт Российского государства нарисовано за пятьсот лет обкусанными гусяными перьями? Какое число умов трудилось над собиранием в одно целое привозимых первопроходцами разрозненных кусков дорожной бумаги, исписанных каракулями?

Первопроходцы, посылаемые государевой волей, топтали чужую негостеприимную землю и рисковали жизнями ради исследований бескрайних территорий. Каков труд этих тысяч людей, затейливо черкавших бумагу при неровном пламени стрелявшей сальной свечи – то на грубо сбитых столах, а иной раз – прямо на сырой земле?

Первые карты были испещрены кривыми линиями речек и речушек, надписанными неизвестными, не лежащими на русский язык, а с годами, ставшими родными, названиями

деревень и городков. Картографы пытались как можно точнее отобразить облик России в виде схематичных линий, которые из простых чернильных набросков превращались в законные границы государства, всё более растущего вдоль и вширь, вбиравшего в себя реки, озёра и моря; степи, пустыни и горные цепи.

Не многие знают цену такому труду. Известно лишь, что есть на этих картах место, обозначенное крошечной чернильной точкой на берегу длиннющей Волги, откуда ранним июльским утром выехал Сергей Петрович Скворечников – молодой князь, сын Петра Ильича Скворечникова.

Ехал он в имение Ветрово по приглашению, полученному вчера. Князя любезно звал к себе давний отцовский приятель, граф Борис Борисович Веселовский, геройский генерал, участник давней войны, забыть о которой нельзя вот уже сколько лет. Но тогда двадцатилетнему пылкому князю казалось, что война осталась лишь в старых журналах и полузабытых поэмах, а Наполеон смотрел по-императорски только с пыльных картин, и теперь во всём мире жить надо для бабов, женщин и вина. Пока отец не отправил сына служить куда подальше, нужно «ловить жизнь», как тогда выражались все молодые. Князь и «ловил» как мог...

И вот вчера почтовая карета привезла графское приглашение. Сергей Петрович слышал о графе, но боялся спрашивать отца сверх того, что было давно о нём рассказано. Пётр Ильич почти всегда чрезвычайно раздражался, когда

ему задавали вопросы, будь-то о войне, или о состоянии дел в имении, или даже о том, куда он поедет сегодня, и поедет ли вообще. И так случалось, что любой вопрос задавался не вовремя. Необычное поведение старого князя многие объясняли контузией, случившейся в Бородинском сражении. Однако же, не все контуженные вели себя подобным образом. Стало быть, здесь крылась другая тайная причина.

Иногда Пётр Ильич сам испытывал острейшее желание в сотый раз рассказать о годах своей боевой юности, и тогда он одинаково много говорил о сожжённой Москве; о дальних переходах по разорённым российским дорогам, когда гнали француза, как побитого пса; о гениальных полководцах и героических сражениях. Но молодой князь не питал ко всему этому решительно никакого интереса. Нет, по духу, он был человеком сугубо светским, хоть и имел воинский чин. Он любил в жизни не эполеты и сабли, не пистолеты и пушки, а хрустальные фужеры, витые свечи посреди стола, карты, но не особо, и двух-трёх пышных девиц на вечер, но лучше б из простых, чтоб без долгих разговоров...

По пыльной, с редкими сёлами, дороге, он ехал из большого, уже по тем временам, города, покинутого час тому назад. Ещё не забыта та, оставленная в его собственной постели, имени которой он так и не удосужился узнать. Но как пахло вчера заграничными духами, какое умильное воркование слышал он, усадив себе на колени безымянную красотку.

Вчера он, кажется, немного выпил, однако поминутно

подкатывала тошнота, то усиливаясь, то ослабевая, а язык будто обмотали железной проволокой. Как набатный колокол гудела голова, которая заболела бы и у трезвого, окажись он в ту пору в одной из поволжских губерний.

Солнце только начинало подниматься, но духота, не ушедшая за ночь, так и осталась во всём городе и далеко за его пределами. Был, правда, один момент под утро, в то незаметное время, когда все ещё спят или только улеглись особо праздные: свежий воздух, едва появившись на пороге, хотел было наполнить прохладой уставшие от жары дома, как тут же исчез, уступив место июльской душегубке.

Самая тяжкая пора в губернии – лето. Трава обычно желтела и чахла уже в первые дни июля, и невозможно было сказать – лето ли на дворе, или осень. Если бы не горячий воздух, пропитанный запахом душистых, словно прокалившихся на солнце трав; если бы не молодые, но уже вянущие листья на сохнувших, от отсутствия влаги, деревьях; а, самое главное, если бы не смотреть в печатный календарь, то трудно было бы поверить, что давно уж кончилась весна, и в разгаре стоит та, совсем нежеланная в том безводном крае, пора.

Можно, конечно, удивиться, приподняв при этом лохматые, мокрые от пота брови, и сказать: «Как же, мол, так? Губерния имеет величайшую реку – Волгу: воды – хоть залейся. Есть даже более мелкие речушки, и факт существования влаги, несомненно, присутствует!» Да, такое сказать можно. Но если посмотреть на прокалённые солнцем, слепящие сво-

ей белизной известковые камни, торчащие из крутых берегов, или глянуть на валяющиеся по всей округе рассыпающиеся каменюки из той же породы, наступив на которые моментально нагревается подошва сапога, или если всмотреться в бледную, измученную солнцем землю и вдохнуть при этом, пусть ароматный, но сушащий горло, воздух, то станет ясно, что вода есть, но она осталась где-то там, нарисованной на географических картах. Нескончаемая пытающая человеческое тело жара не уходит даже после купания в холодной Волге: минуту спустя после речного омовения, жара охватывает всё тело и продолжает держать его, покуда не наступит ночь.

О дождях, а тем более о сильных, как из ведра, ливнях, надо забыть – это редкие гости. Смешно было путешествуящему наблюдать картину, когда некоторые сельские жители, ощутив на себе последождевую прохладу, беспомощно всплёскивали руками и говорили, что их, наверное, Бог проклял – дожди послал. Странная реакция местных могла объясняться двумя причинами: либо они не представляли себе лета без зноя, либо внутри каждого жил суеверный страх спугнуть редкий дождик, если проявить малейшую радость его появлению. Что же делал в это время путник? Он лишь молча стоял рядом с погрустневшими старухами и всем телом ощущал, что через полчаса эту редкую прохладу слижет огненным языком вездесущее солнце, и надо будет продолжать путь, топча горячую пыль дырявыми башмаками, и слу-

шать недостижимого жаворонка, песнь которого радовала бы, случись это путешествие в подмосковных землях, покрытых в это время сочными зелёными травами.

Можно повторно возмутиться: «Как же так, ведь наше лето, в нашем крае – самое, что ни на есть прекрасное, потому что оно НАШЕ!» И они будут правы – каждый обязан защищать своё лето, каково бы оно ни было.

Глава 2

За то время, пока говорилось о лете и прочих «удовольствиях», князь Скворечников преодолел большую часть пути и уже подъезжал к Ковылям, мелкому селению.

Сергей Петрович велел извозчику остановиться: причина ясна, как день, если ехать пять часов без остановки. Он вышел, немного постоял, всматриваясь во что-то далеко белеющее в жёлтой степи, туда – на юг, в сторону Ветрово. Несмотря на то, что воздух был ещё наполовину чист от пыли и марева, всё-таки стало жаль не захваченной подзорной трубы, подаренной накануне бароном Вернером, иначе можно было бы разглядеть красную крышу двухэтажного графского особняка, окутанного лёгкой дымкой. Не только особняк, но и всё Ветрово было в той дымке, будто там что-то горело. Но присмотревшись, князь понял, что это были остатки утреннего тумана. Два высоченных лесистых холма, между которыми, как жемчужина в раковине, располагалось имение, удерживали туман, а вместе с ним и утреннюю свежесть. До самого полудня степной жаркий ветер не сможет развеять спасительного покрова, под которым находится прохладный живительный воздух. Солнце ещё больше высвечивает белевость тумана, и являет путнику настоящий оазис, лежащий посреди раскалённой степи.

Князь смотрел вдаль на особняк и вдруг нечаянно бро-

сил взгляд на чахлый травяной ковёр, расстелившийся прямо тут – перед ним. Тонкие стебли состояли из двух цветов, резко сменявших друг друга: нежно-зелёного, видневшегося на дюйм от самой земли, и светло-жёлтого, почти белого, покрывавшего жёсткие безжизненные верхушки, торчащие иглами гигантского дикобраза. Отчётливо заметная граница, прочерченная неведомым карандашом, отделяла зелёный от жёлтого, словно природа несколько дней назад дала траве возможность побыть настоящим полноценным растением, а потом отобрала больше половины сочного зелёного, сменив его на сухой жёлтый. Если бы князь знал о существовании пергидроля, он мог бы сравнить этот пейзаж с женскими волосами, которые после обесцвечивания надолго остались без присмотра, и теперь их неокрашенные корни бросались в глаза каждому поклоннику.

Князь вернулся к бричке. Проехав ещё не много, лошади начали неспешно спускаться под гору к широченному оврагу, по которому текла еле приметная речка. Она высыхала и умирала, а овраг разрастался вширь и вглубь, являя глазам путника крутые склоны, поросшие редкой рыжеватой травкой.

Через овраг был перекинут жалкий мостик, сооружённый в незапамятные времена: щелистый настил из брёвен, покрытый серыми расшатанными досками, и тонкие перильца-жерди с глубокими чёрными трещинами. Он был серого мышиного цвета, будто пропитался пылью, или даже был

сделан из самой пыли – топни покрепче, и весь вычищенный сапог тут же покроется этим степным пеплом.

Когда лошади въехали на мостик, князь высунулся из брички, чтобы посмотреть на мелеющую речку, похожую на ручеёк. Серебристая водяная лента тянулась с южной стороны, с трудом огибая жёлтые камни, мешавшие потоку. Но князю было наплевать (и он, действительно, плюнул в прозрачную воду) и на этот ручеёк, и на его название. Жестокое похмелье не отпускало князя и мешало ему выжать из своего сердца хоть каплю сочувствия растворявшемуся в сухой земле ручейку: пусть он мелеет, пусть сохнет – всё равно в этой степи никто не выживет, кроме полевых мышей и сусликов.

Сергей Петрович лениво махнул рукой извозчику и, как ему самому показалось, рывкнул. Но извозчик услышал лишь писк сорвавшегося, так некстати, голоска: «Давай быстрее, опаздываем!», хотя никто никуда не опаздывал, и сказано так было только для порядка.

Оставшийся до графского имения путь шёл по крутым спускам и подъёмам. Ещё целый час тянули бричку утомлённые кони. Легко было только на длинных пологих спусках, когда кони чуть ли не бежали, будто опасаясь мощного удара брички по своим взмыленным крупам. Но когда спуск сменялся тяжёлым крутым подъёмом, тогда напрягались последние лошадиные силы, едва не рвавшие жилы; кровью наливались большие красивые глаза, а жгучий степной воздух

с шумом втягивался в расширенные ноздри.

Особенно крутым оказался тот подъём, что находился за две версты до въезда в графское имение, откуда начинался лес, и дорога шла сквозь широкую просеку. Нестерпимый жар ещё полдня будет мучить всё живое в степи, но в этом месте воздух оставался прохладным. И тут наступило природное равноправие: князю вдруг захотелось размять кости, (и он выпрыгнул на ходу из брички), а лошади, почувствовав небольшое облегчение в виде временной утраты лишней тяжести, пошли неспеша.

– Ты поезжай, – сказал князь извозчику, – я, пожалуй, пройду – ноги затекли.

Извозчик молча отвернулся и шлёпнул коней вожжами. Бричка медленно тронулась вверх, чуть отставая от широкого шага Сергея Петровича.

Князь не торопливо поднимался в гору и смотрел на деревья. Поражал внешний вид стволов – настолько они были чахлые и болезненные. Князь на минуту сошёл с дороги и бегло осмотрел два клёна: от корня до верха, куда доставал глаз, вся кора поросла грубым серо-зелёным лишайником. Одетые в толстую непроницаемую «броню» деревья будто задыхались от нехватки воздуха и поэтому имели такой неказистый вид.

Пока проводились ботанические исследования, бричка поравнялась с князем. Он вернулся на дорогу и пошёл рядом. Извозчик молчал, сонно облокотившись на колени, и

его вожжи, того и гляди, могли выскользнуть из заскорузлых, почерневших от солнца, рук.

Ощущая лёгкое, приятное напряжение в молодых коленях, Сергей Петрович поднимался в гору, ускоряя шаг. Бричка снова отстала.

С северной стороны подул слабый ветерок, остужая разгорячённое лицо. Когда князь поднялся по склону и вышел на ровное место, ветер всё ещё дул, нагоняя из дальних краёв грязно-белые длинные, узкие облака. Пустующее бледно-голубое небо, минуту назад пугавшее своим родством с такою же пустою степью, стало вдруг оживляться: облачные полосы тянули за собой необъятное тяжёлое свинцовое покрывало, которое, казалось, вмещало в своё нутро тучи и облака всего земного мира. Какая-то немислимая, живущая за горизонтом, силища с лёгкостью толкала вперёд исполинскую серую массу, пригоняя вместе с ней потоки свежего воздуха, который вдыхался полной грудью.

В один миг всё переменилось в молодом человеке: уже не болела голова, исчез комок, весь день подкатывавший к горлу, ноги шли быстрее. Князь смотрел то налево – пыльный, серо-зелёный лес; то направо – жухлая степь, куда упала спасительная тень гигантского покрывала; оборачивался назад, зачем-то махая извозчику, мол, я ещё не далеко ушёл, не торопись, или же – давай быстрее, не буду я тебе оттуда орать. Извозчик всматривался, стараясь яснее прочесть движения княжьей руки, но потом понял, что те взмахи говорили лишь

о смене настроения Сергея Петровича, и можно не обращать на них внимания.

Яснолицый князь, продолжая идти, поминутно глядел вверх, замечая, как меняется форма серого нагромождения небесного свинца. В какой-то момент, подняв голову, он увидел на сером небе светлое облако, похожее на профиль дьявола, какой во множестве печатали в европейских книжках с непристойными рассказами о монахах и священниках. «Лицо» облачного дьявола, с классическим крючковатым носом и короткой козлиной острой бородой, было устремлено в сторону далёкой Волги. Гордый взгляд, нечётко сформированных ветром, глаз; изогнутая тощая шея – того и гляди хрустнет, закинись голова чуть дальше; на макушке никаких рогов – вместо них виднелся кусок облачного «тела», похожий на пень со щепами, как от сломанного молодого дерева. Продолговатые «щепы», торчавшие смешным несуразным пучком, клонились в сторону моложавой, хищно изогнутой тонкой спины. «Дьявол» простёр в обнимающем жесте правую тощую, жилистую, с пятипалой кистью, руку над всем именем графа. Толстые длиннющие пальцы с чётко различимыми фалангами и длинными ногтями, были тяжеловеснее всего того, что нарисовалось на той картине: огромная «кисть» походила на купол, висящий над Ветрово, на некое твёрдое бесповоротное решение установить свою власть. И всё это было представлено в полном молчании одиноко бредущему невольному зрителю, который должен был понять

серьёзность стремлений этого «картинного» предупреждения: «Мой город будет здесь!»

Князь даже попытался определить хотя бы приблизительный возраст бородатого рукастого облака: тридцать, сорок, пятьдесят лет? Но на ум не шло ни одной ясной цифры. Ни одного человеческого числа нельзя было подобрать к возрасту этого богомерзкого портрета: мысли крутились вокруг слов «приблизительно», «около», «примерно». Но как только князь пытался сказать себе, что этому изображению лет, примерно, пятьдесят, то опять выходило неверно: рассудок отказывался признавать любое предположение. У Сергея Петровича в тот момент сложилось впечатление, что его ввели в заблуждение, запутали вконец, дали пинка под зад, как школяру-двоечнику, и тут же спросили: «Какого цвета огурец, если он зелёный?»

– Послушай, братец, я один это вижу? – обратился он к извозчику, нагнавшего его за это время.

– Нет, барин, мы обои это видим. С нами крестная сила, – ответил извозчик.

Мелко и быстро перекрестившись, он шлёпнул коней по спинам, но не одиночным лёгким ударом – от шеи одного до крупа другого, а резким, словно, рубящим саблей, движением, будто тоже перекрестил, как и себя, этими шлепками, двух взмыленных трудяг, которые начали привыкать к лёгкости своей ноши и потому задремавших. Кони вмиг очухались и пошли быстрее.

Через минуту «дьявол» стал медленно расплываться и, в конце концов, превратился в обычное безобидное облако, растянувшееся от края до края. Слабый ветерок, вдруг налетевший, медленно, но упрямо погнал облако в сторону Волги. Князь едва успел заскочить в бричку, и уже в ней въезжал в графское имение.

Глава 3

Их заметили, когда они только-только появились из-за поворота, частично скрытого небольшим леском, что по правую руку, если смотреть от самых ворот.

Впустили бричку два солдата, охранявших въезд. Медленно открылись высокие, с чугунным кружевом тонкой работы местного кузнеца, ворота, разгорячённые под июльским солнцем, и потому пахнувшие, недавно положенной на них, чёрной смолянистой краской.

С начала въездной дороги виднелся довольно большой, взятый в каменное кольцо, искусственный пруд, с плавающими в нём чёрными и белыми лебедями. Проезжая мимо него, князь на миг заметил в толще воды солнечного зайчика: в зеленоватой прогретой воде, пробиваемой на десять дюймов солнечными лучами, блеснули бока больших зеркальных карпов. В животе князя заурчало, но тут же его затошнило, и он выкинул мысль об аппетитных карпах.

Объехав пруд, бричка оказалась на дороге, ведущей снова вверх, но уже к самому особняку, стены которого белели сквозь парковые сосны, росшими вперемешку с молодыми клёнами.

Эта широкая дорога с обеих сторон «обросла» низенькими крестьянскими домами, коих князь насчитал около сотни. «Да, большая деревня», – подумал он, невольно засмат-

риваясь на розовощёких крестьянских молодух, высыпавших в такую жару на улицу с тем, чтобы посмотреть, кто к ним на сей раз пожаловал.

Наконец, бричка добралась до вершины дороги – теперь особняк был совсем рядом: своей выбеленной громадой он высился между старыми соснами. На нескольких островерхих крышах поблёскивали золоченые миниатюрные флюгеры, которые легко дрожали от ветра, но не поворачивались от него, и служили лишь неотъемлемой частью декорации особняка. «Фальшфлюгер», – сказал про себя князь, не стараясь, впрочем, запомнить только что придуманного им слова.

Проезжая через парк, Сергей Петрович увидел такой же, только меньший по размеру, прудик – лебединое царство простиралось и сюда. Одна половина пруда поблёскивала на солнце, другую же скрывали толстые сосны, посаженные подковой по краю каменного кольца.

Княжеская бричка добралась, наконец, до богатого двухэтажного дома, перед которым стояла огромная десятиместная дорожная карета. Дворовые люди складывали в неё вещи.

– С приездом, князь! – крикнул, выбегая из особняка, коренастый черноволосый человек в военной форме. Сергей Петрович сразу узнал в нём графа Веселовского: память с детства хранила добродушное светлое лицо и вечно смеющиеся чему-то карие глаза. В груди князя разлилось прият-

ное тепло, будто он приехал в родной дом, хотя прежде ни разу не бывал в этих местах.

Граф подбежал к бричке князя, и заскочил на узкую подножку, не давая ему выйти. Он крепко обнял Сергея Петровича, как старого товарища.

– А мы собираемся, – быстро заговорил граф, – завтра уезжаем отсюда: домой хочу – в Киев.

– Из таких-то мест уезжать? – спросил князь, слегка зевая.

– Понимаешь, голубчик, жить здесь почти безвыездно – тоска смертная: охотиться надоело – зверей уже жалко; рыбалки никакой – только едь до Волги сорок с лишком вёрст по жаре и пыли, а домой, дай Бог, полбочонка в четверть пуда наберётся. Да и рыба, в последнее время, дрянь. Неудобно, право, очень неудобно – даже дворня по углам хохочет. Хочешь, ведь, как лучше, побаловать их. Человек я мягкий, ругаться не стану, а неприятно, знаешь ли. Это раньше, лет десять – пятнадцать назад, я б им задал – тихонечко бы ходили, чтоб ковыль не колыхнулся, а уж об разговорах каких-нибудь потешных и речи бы не было. У меня в подчинении полки были! Э, брат, да что там! Кто бы генералу стал перечить, а?

– Да, Борис Борисыч, нелегка жизнь мирская, – усмехнулся Сергей Петрович.

– И не говори, Серёженька, и не говори. Жуть берёт, когда понимаешь, что теперь у тебя под начальством десятков солдат, что у ворот стоят, ну ты видел, да целая охапка дворовых

– я их и считать перестал. Так что, завтра ранёхонько я с де-тишками и поеду, по пыли и духоте. Будешь тут барствовать.

– А что же я буду здесь делать? – оторопел князь.

– Так, ведь, поэтому, именно поэтому я и прислал за то-бой, дружище! Сам посуди, имение на малолетних не оста-вишь (Мишке моему шестнадцать, а Любке – тринадцать, остальных – кого женил, кого на Кавказ служить отправил в капитанском чине), – граф загнул короткий палец, – это раз. Тебе здесь будет райская жизнь – это два... Так, ведь, это только на несколько деньков, пока сын с Кавказа не приедет! Посему, хочу тебя, друг мой, попросить остаться здесь. При-ми это, как отпуск: природа шикарная, – пальцы снова стали загибаться, – вода чистейшая, в прудах купайся сколько хо-чешь. Это вон только им нельзя, – он кивнул на дворовых. – Яблоки, груши, вишни: всё своё, всё огромное!.. Не пожале-ешь, уверяю тебя! А лес какой, а? – он улыбнулся и хлопнул князя по плечу с такой силой, что пыль взвилась с золотого эполета, – таких лесов и в Подмосковье нету! Ну? А? Князь!

– Будь по-вашему, если только я тоже, как вы, со скуки не помру.

– Да какая там скука?! Ты, ведь, молодой, горячий. Тут тебе и охота, и рыбалка, и баб – пруд пруди... Да что там: здесь на любой вкус найдёшь, и все простые. А? – он подмиг-нул, обнажив здоровые белые зубы. – А ввечеру – тишина и покой, не то, что в твоём городе. Вот поживёшь с моё, так не раз вспомнишь это чудное место.

Князь тоскливо поглядывал на высокие деревья парка. При его-то жизни на широкую ногу, он и не такие «чудеса» видывал. Граф, видимо, понял, что таким манером князя не заманить и, энергично кивнув, сказал:

– Это ты ещё не осмотрелся.

И тут же, потирая руки, спросил:

– Так, теперь обедать?

– Мне бы прилечь с дороги – мутит очень.

– Конечно, конечно, – заторопился граф, – там, на втором этаже, тебе всё приготовят. – Глашка! – крикнул он.

Подошла нехотя, вразвалку худая остроносая девка.

– Барину – постель в гостевой, да закрой шторы получше, чтоб ни одной щёлки не было. Ну, быстро!

Глашка, также вразвалку, пошла в дом готовить покои.

– Иди, дружок, отдыхай, а мы продолжим общие сборы, – улыбнулся граф. По всему его поведению чувствовалось, что он уже там – в Киеве, и здесь его держит лишь какая-то официальная причина, некий мелкий долг, который желательно соблюсти.

– Фимка! – снова зычно крикнул он, – проводи барина.

Фимка, обликом похожая на Глашку, такую же медлительной походкой побрела впереди князя, ведя его в дом.

Те, кто попадался на пути, ходили как варёные – вездесущая жара, проникавшая и в имение, словно, высасывала у них последние жизненные силы. Многим было не по себе, один только граф веселился, как молодой.

Князь, ведомый Фимкой, прошёл через высокую парадную, потом повернул налево и оказался в небольшом, с двумя маленькими оконцами, коротком коридорчике, который вёл в жилую часть дома. Князь мельком взглянул в одно из окошек и увидел два приготовленных, густо позеленевших, могильных камня, прислонённых к разохшимся деревянным бочкам. Он понял, что стоят они так долгие годы. Он успел разобрать лишь две последние полустёртые строчки на одной из эпитафий: «Молись, деточка, за папу и маму».

Пройдя дальше, Фимка и князь поднялись на второй этаж по тёмной широкой мраморной лестнице. Князь задел носком сапога ступеньку и его качнуло вперёд. Он чуть не ударился лбом о гладкий, отшлифованный полукруглый край другой ступени, но вовремя выставил руку.

– Тьфу, ты, чёрт, – ругнулся он. Фимка обернулась, но ничего не сказала.

Пройдя ещё немного, они оказались в гостевой комнате. Глашка к тому времени почти закончила готовить постель. Князь осмотрелся. Кроме персидского ковра на стене и какой-то старинной гравюры, ничего не было, за исключением двух курительных трубок с длинными мундштуками, прислонёнными к низенькому бюро.

Глашка задёрнула шторы в единственном окне, выходящем в парк, и ушла. Князь попросил Фимку помочь ему снять узкие сапоги, и повалился на кровать, не снимая мундира.

Глава 4

Проснувшись в восьмом часу вечера, не помня ни единого сна, князь спустился и прошёл в большую гостинную, где ужинали сам граф и двое его детей – молодой человек и девушка.

– А, Сергей Петрович! Проснулись уже? Как спалось? – спросил граф, на секунду оторвавшись от тарелки с дымящимся супом.

Князь вяло махнул рукой, подняв глаза к потолку.

– Понятно. Давай-ка к столу: у нас сегодня суп грибной. Мои вчера ходили за подосиновиками: три дня назад дождь вдруг случился, короткий, правда, но сильный. Вот они и появились. В середине лета такое возможно только в моём лесу – это непреложный факт! – граф победно щёлкнул пальцами. – Отведаешь ветровских подосиновиков?

Князь кивнул. Ему налили супу, побольше набросав туда грибов. Он покрутил ложкой красноватые шляпки, пожевал одну – самую большую.

– Горчат, – сказал он, отодвигая тарелку.

– Так, ведь, они не успели влагой напитаться. Вот ближе к октябрю, когда погода наладится – это будет прелесть, а не грибы – лучше всякого мяса!

Князь не чувствовал голода. По-прежнему болела голова.

– Никак не могу отойти от дороги, – сказал он, – не пони-

маю, что со мной творится.

– Наверное, это всё от большой любви, Сергей Петрович,
– пошутил граф.

– Ой, вы опять хотите поднять мне настроение, – ехидно ответил князь, и, снова подвинув к себе тарелку, продолжил крутить грибные шляпки.

– Ну чего ты их крутишь? Ешь лучше.

– Не могу.

– Ничего, ничего, – граф, стараясь меньше смотреть на унылое княжеское лицо, приступил к опустошению второй тарелки супа. – Завтра отойдёшь. Жара – она, брат, не шутка: бывает и голова вдруг заболит, а то и кровь носом пойдёт, но это реже. Здесь, в основном, воздух хорош – сухой. Тут чахоточным самая благодать жить.

Князь перестал вращать ложкой то круглое, что лучше всякого мяса, и, съев ещё две маленькие шляпки, оставил суп дальше, чем в первый раз:

– Нет, действительно, не могу.

– Я же говорю – завтра, – равнодушно ответил граф, не отвлекаясь от супа.

– Ну, завтра, так – завтра, – вздохнул князь.

– Мы уедем рано, – сказал граф, – ты ещё спать будешь. Ведать всеми делами я оставил Дмитрия Степаныча, управляющего моего. Толковый мужик, в общем-то, вот только выпить не дурак, но – трудяга. Ты, если что, обращай к нему: в город ли съездить, или на Волгу, ну и всё такое про-

чье. Дворня у меня смиренная – не перечат, не пререкаются по каждому слову. А всё потому, что я их понимаю – простых русских мужиков. Я с такими же воевал вместе, бок о бок с ними врага побивал в турецкую, в Польшу, и в двенадцатом году. Я знаю, что он, мужик то есть, никогда меня не подведёт.

Они посидели молча ещё некоторое время. Потом граф прервал молчание и предложил Сергею Петровичу прогуляться по парку. Тот согласился, но только без сопровождения: парк не большой, поэтому заблудиться в нём будет крайне затруднительно.

На улице уже стемнело, но не до черна. Князь вышел из дома. Долго спускался по окованным бронзовыми полосами ступеням, что вели на центральную дорогу парка, разделяющую его на две половины. Оказавшись на этой дороге, князь повернул направо, и пошёл по еле заметной тропке, ведущей к самому маленькому пруду.

С приятным для себя удивлением он отметил, что вместе с лебедями в том пруду плавали и утки: их кряканье было слышно за сотни сажень от особняка. Это ж, какое счастье – никакого постороннего шума, как в городе: ни пьяных голосов, ни нарочито громкого, несмолкающего смеха или настораживающих женских визгов. Нет надоевших песен под гармошку.

Великолепие ценной тишины окутывало князя каким-то невидимым покрывалом, и он находился внутри волшебного

кокона, или в чреве таинственной пещеры, до которой не доносятся ненужные звуки, где нет опасностей и тревог. Есть лишь громкое утиное кряканье, да шум крыльев разбуженных птиц, когда князь случайно задевал кусты, вылезавшие иногда на тропинку.

Он шёл всё дальше – вглубь парка. Здесь было намного темнее, чем на открытом месте. Сел на лавочку недалеко от пруда. Услышал песню неизвестной птицы – громкую, щёлкающую, будто вёлся разговор с невидимым собеседником.

Князь поднял голову и увидел яркие близкие звёзды. Встретился взглядом с вечно тоскующей желтолицей луной, которая, обозревая Землю, тоже «увидела» князя, и смотрела на него, не отводя тёмных, со слезами, глаз. Он в первый раз за свою жизнь не задавался вопросом: отчего луна такая грустная? Ответ, опережая все мыслимые вопросы, пришёл сам собою: этот «взгляд» никому не удастся объяснить, а ту небесную печаль никогда не разгадать. И глядя в те печальные «глаза», каждый человек будет думать лишь о себе, только о своей грусти, словно, та далёкая молчащая скорбь распространяется лишь на него, бессмысленно взирающего на таинственное лицо.

Князь на минуту оторвался от созерцания загадочного «лика», потому что услышал шёпот.

– Тяни его, тяни, а то уйдёт. Ты глубже под плиту-то лезь, глубже, – советовал писклявый голос.

Князь посмотрел в ту сторону, откуда доносился шёпот, и

разглядел четыре еле заметные маленькие тени – они двигались вниз, у самого подножия каменной обкладки пруда.

Слышались лёгкие краткие всплески воды.

– Да тихо ты, некуда ему идти. Сам сейчас тянуть будешь, – отвечал другой басовитый.

– А он тебя не укусит? – спросил голосок, исходивший от самой маленькой тени.

– Не-а, не укусит.

– А он тебе пальцы клешнями не порвёт?

– Нет, не порвёт – он уже спит.

– А нам потом покажете? – не унималась маленькая тень.

– Да мы их сразу увидим – они же красные, – сказала тень четвёртая, чуть выше ростом.

Первый голос сказал чуть громче:

– Они будут красные, когда их маманька твоя сварит, а так-то они зелёные, что зубы у твоего батьки.

Князь не хотел мешать, но потом решил, что вся эта возня слишком затянулась, и громко кашлянул.

– Бяжим, робята! – крикнул один, и кинулся прочь. За ним бросилась вся ватага. Кто-то обронил маленькую корзину, и она чёрным комком скатилась по каменным плитам в пруд.

Всё человеческое стихло – осталось лишь утиное кряканье. Князь потянулся, как после долгого приятного сна, и вдохнул полной грудью остывший воздух. В опьянённой тишиной и свежестью голове замелькали разные мысли. Сер-

гею Петровичу вдруг представилось, что он может вобрать в свои молодые здоровые лёгкие весь окружающий невидимый холод, и что в этот момент он способен перевернуть Землю, только попроси его сейчас кто-нибудь, и потряхнуть её хорошенько – так, чтобы всё с неё осыпалось и проснулось вместе с ним в этот тихий засыпающий вечер. «Хорошо, – подумал он, – хорошо и покойно». Головная боль ушла – он просто забыл о ней. Да и всё тело перестало ныть.

Посидев ещё немного, он побрёл назад, к дому, той же дорогой, какой пришёл сюда, к пруду. Деревья, особняк, небо – всё слилось в ночной черноте, и лишь ярко освещённые окна, видимые сквозь крепко сцепленные ветви плотно растущих кленов, напоминали о жизни в доме. В жёлтом свете, перечёркнутом толстыми оконными рамами, виднелись люди, занятые своими делами: кто – с подносом, кто – с постельным бельём. А из одного, настежь открытого окна, доносились звуки музыки: молодая графиня играла на рояле, и завтра его клавиши на долгие годы забудут прикосновение нежных пальцев...

Князь зашёл в дом. Граф встретил его в том маленьком коридорчике с двумя окошками, и пригласил пройти в свои покои.

– Вот и всё, Серёжа. Переночуем последнюю ночь, а завтра, с восходом солнца, укатим отсюда.

– Рады?

– Даже не знаю, если честно: и рад, и не рад – всё-таки

столько лет здесь оставлено.

Он налил себе вина и предложил князю. Тот провёл ребром ладони по горлу, дав понять, что не только видеть, но даже и слышать не может сейчас о французском пойле, каким бы дорогим оно ни было. Граф понимающе кивнул, осушил бокал и налил себе второй.

Сергей Петрович отвернулся – ему опять сделалось тошно, и стал смотреть на сабли, развешанные на персидском ковре: пять простых, в воронёных ножнах, и две золотые.

Граф вытер рукавом мундира красные губы, указал на золотые сабли, висевшие в центре:

– «За храбрость» получил, одна даже с алмазами. Но это так – побрякушки: ты вон на те посмотри, – он показал пустым бокалом на простые стальные клинки. – Это мои «рабочие инструменты»: ими я и добывал победу русского оружия. А видишь, – тут он поставил бокал на столик, подошёл к коврику, вынул из чёрных ножен одну из сабель, – видишь маленькую зазубрину? Это всё от долгой «работы». Однажды, под Тарутином, когда мы мотали французов, как собаки тряпку, мой отряд случайно на них наткнулся. Они выскочили из леса, как черти из печки, человек пятнадцать их было. Все грязные, рваные, совершенно озверевшие, с пустыми ружьями, потому как ещё третьего дня мы у них отбили обозы с порохом. Со мной было человек пять – все на конях. Эти, значит, оборванцы с перекошенными рожами, – граф показал с какими именно, – взяли нас в кольцо. Я на

Цезаре, коне моем, вырвался, и начал рубить направо и налево. Лучше, конечно же, направо, я, всё ж таки, правша, – с оживлением пояснил он, и сделал несколько энергичных рубящих движений крепкой рукой, в которой ещё была зажата сабля. Князь, стоявший в паре шагов, инстинктивно отшатнулся, видя, как граф разгорячился воспоминаниями о бое и красным вином.

– И Цезаря я нарочно так ставил, чтобы этих тварей картавых быстрее «сработать». Рублю, значит, этих доходяг, и тут одному пучеглазому так рубанул по шее! В общем, застрял он в шейном позвонке. Я думал – сразу вытащу, ан нет, смотрю, туго сидит, шельма. Пришлось с коня слезать. Освободил, значит, сабельку, вытер её об мундир того пучеглазого, и вижу вот эту щербину. Так и храню с нею.

Граф замолчал, переводя дыхание. Повесил саблю на место, налил себе третий бокал и продолжил:

– А вообще, друг мой, все гусары хранят оружие бывшее в деле: кто пистолеты, кто сабли. У меня ещё не самая большая коллекция!

– У моего отца тоже две пики осталось, – сказал князь.

– Ну вот видишь – пики! – засмеялся граф, легко похлопывая Сергея Петровича по плечу.

Граф прошёлся по комнате и тут, будто что-то вспомнив, дёрнул за шнурок, висевший на стене около двуспальной кровати. Через минуту вошёл молодой худошавый парень.

– Так, Никифор: сабли все снять и в экипаж! Чуть не за-

был про них, чёрт, за этими разговорами, – сказал он князю, коротко хохотнув при этом.

– Да, и золотые заверни отдельно – в бархат, – добавил он. Никифор, кивнув, вышел из комнаты. Граф подбежал к двери и крикнул ему вдогонку:

– Да позови Матрёну!

Глава 5

Граф расхаживал по комнате, меряя её широкими шагами и крутя чёрный смоляной ус. «Что-то опять пришло на память?» – подумал Сергей Петрович, наблюдая за ним. Сев в широкое мягкое кресло, подле «оружейного» ковра, князь спокойно спросил:

– Борис Борисыч, о чём задумались?

Граф присел в другое, стоявшее рядом, такое же кресло, и откинулся на широкую спинку.

– Да, понимаешь, – начал он, – тут у меня случай такой вышел. Не так давно поселил я здесь одну старушку, Матрёну Тимофеевну. Как-то раз мои собирали ягоды в лесу, вёрст за пять отсюда. Уже собрались домой ворочаться, как вдруг видят – идёт старуха, будто слепая, не разбирая дороги: на деревья, знаешь, натывается, платье кустами рвёт. Ну, они её и окликнули. Та подошла. Начала о себе рассказывать: идёт, мол, к каким-то монашьим камням, дескать, где-то в этих местах они и лежат. Потом она сказала, что хочет посмотреть на часовенку, которую ещё не построили. В общем, не простая старуха. Мои, как замороженные, слушали бы её и дальше, если б не стая ворон, которая своим карканьем вывела их из оцепенения. Они сказали, чтоб старуха шла с ними, ко мне, значит, в дом. Уже глубоким вечером привели они её сюда, сказали мне: отец, мол, родной, пусть Матрёна

Тимофеевна здесь поживёт, потому как идти ей некуда, сам видишь – одежонка на ней плохонькая, да и сама на ногах еле держится. Поживёт чуток, а там, глядишь, и пойдёт дальше, к камням своим. Меня даже уговаривать не пришлось: я, по натуре-то, приветливый, мягкий, могу дать кров хорошему человеку, тем более старухе.

А тут ещё моя давняя страсть, с детства, ко всяким сказкам, небылицам, песням старинным. Оказывается, старуха как-то пронюхала про мой этот интерес, может кто из двора болтанул, не могу сказать, но я ей, лично, об этом не рассказывал, – граф крепко прижал руку к груди, глаза его расширились, и весь он подался вперёд, – слово офицера!

Он вновь откинулся на спинку кресла.

– Тебе кажется, что ничего особенного здесь нету, что я, вроде как, придумываю тут всякое, и что вино мне в голову ударило. Но вот тебе пример..., – он хотел, было, продолжить, и ещё более подался вперёд, да так, что своим носом чуть не упёрся в лицо князя; хотел уже перейти на тот особенный шёпот, каким торопливо говорят заговорщицкие речи буквально за пятнадцать минут до совершения переворота, но резко остановился – в комнату вошёл Никифор. Неся большой бархатный лоскут и два пустых мешка, он подошёл к ковру и стал снимать сабли.

– Ладно, – сказал через минуту граф, – ерунда всё это, чушь.

Он обратился к Никифору:

– Матрёну позвал?

– Сейчас, сказала, придёт: чаю попить хочет.

– Ну, пускай, пускай, – задумчиво сказал граф.

Сергей Петрович заметил резкую перемену в поведении графа: он молчал всё время, пока Никифор делал свою работу. Перед тем, как уложить оружие на пёстрое одеяло, Никифор вопросительно посмотрел на графа, как бы спрашивая, можно ли там укладывать, на что граф утвердительно кивнул. Никифор также неторопливо, развернул на широченной кровати красный, сажень на сажень, бархат, в который аккуратно замотал золотые сабли.

Графу нетерпелось договорить начатое: носок его лакированного сапога быстро застучал по полированному паркету, но через несколько секунд прекратил нервные движения, будто догадавшись, что это бесполезная затея. Спустя десять минут прилежной работы, Никифор ещё медленнее стал укладывать остальные клинки в первый мешок; второй был надет после, с обратной стороны незакрытой части сабель. Крепко перевязал всё это верёвкой по всей длине, и унёс двухаршинный свёрток из комнаты.

Граф снова налил себе полный бокал и поставил пустую бутылку возле кресла.

– Эх, надо было его за вином послать, – первое, что сказал он за долгие десять минут молчания, но было заметно, что он остыл к теме, прерванной приходом Никифора.

Князь смотрел на покрасневшее грустное лицо боевого ге-

нерала, и не мог понять, с чем связана такая странная перемена настроения у этого храброго человека, который только что размахивал саблей, рубил врагов налево и направо, а теперь превратился в другого, будто ловко подменённого кем-то, человека.

Молчание, казалось, растянулось на долгие часы. Граф по-прежнему сидел, как в воду опущенный. Князь, устав от гаданий о настроении Борис Борисыча, смотрел то на персидский ковёр, с едва заметными следами от висевших только что здесь сабель; то на полированный паркет, где отражался дрожавший свет десятисветечевой люстры, освещавшей лишь центр комнаты.

В дверь постучали.

– Входи! – крикнул граф.

Вошла пожилая, но хорошо сохранившаяся женщина, с ясными живыми глазами, с длинными седыми волосами, но не с той долголетней ровной устоявшейся сединой, как у обычных стариков, а, будто, недавно начавшейся: многие волосы оставались нетронуты тем серебром, которое даётся судьбой, словно, в оплату за правильно прожитую жизнь.

– Чего звал, батюшка?

– Садись, Матрёна Тимофеевна. Вот хочу, чтобы ты рассказала нам с князем что-нибудь новенькое.

– Так я ж два дня тому как рассказывала! Да так долго, что ты, батюшка, не дослушал – уснул на самой середине, – удивилась она несколько деланно, будто подзадоривая графа

упросить её получше.

– Жара проклятая – всё тело тогда вымотала, вот я и задремал, – ответил он.

– Ну да, ну да, – быстро закивала она, видимо, не желая продолжать разговор о погодных условиях.

И в этом она оказалась права: чем меньше граф думал о погоде, тем легче она переносилась. Таким способом «не задумываться» он пользовался всю жизнь, поэтому её тяготы становились менее заметны.

Снова наступило короткое молчание – все, словно, собирались с силами: господу – слушать, а Матрёна – рассказывать.

– Ну, воля твоя, – сказала, наконец, она, расправляя складки простого платья и садясь на стул в дальнем тёмном углу, так что её не было видно, зато хорошо слышался её голос в тихое вечернее время.

Будто притянутые невидимыми нитями, двое мужчин смотрели в сторону старухи и внимали каждому слову, приносимому из потаённого угла.

И вот, первые слова «Давным-давно...», уловимые ухом, были той самой слабой нитью, которая была способна потянуть за собой всю цепь старинной легенды.

Давным-давно, ещё во времена матушки Екатерины Алексеевны, в одном лесу появился старик – его изгнали из своего войска казаки Емельки Пугачёва. Когда Емелька озоровал на Волге, много было тогда приставших к нему та-

тар, чувашей и мордвы. Среди той мордвы был и наш старик. Умел он делать кое-какие вещи полезные: человека вылечить от тяжкой напасти, или скотину прихворнувшую поднять на ноги – и всё это одним лишь шёпотом, да простыми лесными травками.

Однажды не смог старик помочь одному казаку, и тот умер посиневшим, как слива. А у некоторых вдруг начались напасти невиданные: у кого язвы на руках и ногах; у других кровь пошла горлом; а некоторые испытали на себе усушение всего тела. Да много чего ещё приключилось в те далёкие дни. Не удавалось старику справиться с этими бедами – ушла, видно, его сила. Тогда казаки собрались на круг и сказали старику так: добром, мол, уходи, а то привяжем к столбу, подпалим солому под ногами твоими, и уйдёшь чёрным дымом к царю небесному. Старик, ясное дело, испугался. Ну а как тут не испугаться, когда над тобой стоят двадцать бородатых мужиков с дубьём. Дед собрал свои вещички в мешочек махонький, и ушёл куда глаза глядят. А казаки ему вместо огненного столба, в «память» о плохо сделанном деле, оттяпали руку по локоть. Да, нет на свете людской благодарности: добро делаешь – ты мил и хорош, а как чуть оступился, не смог помочь – тут же тебя и гонят с позором, и калечат...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.